

СУБЪЕКТНОСТЬ ЕВРОСОЮЗА В ОТРАЖЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ¹

МАРИНА СТРЕЖНЕВА

Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН,
Москва, Россия
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Европейский Союз играет на глобальной арене заметную роль, которую трудно концептуализировать, оставаясь в рамках традиционной теории международных отношений. Ведущую роль в доминирующих в ней подходах продолжает играть государствоцентризм. Между тем ЕС принято считать уникальным образованием, которое по форме выступает чем-то средним между государством и международной организацией. Для обоснования международно-политической значимости Европейского Союза зачастую используется концепция «нормативной силы». Вместе с тем она не позволяет описать весь спектр форматов возможного участия объединения в международной политике. Выход из положения даёт организационная теория и особенно разработанная на её основе идея о метаорганизациях. Она позволяет одновременно рассматривать и ЕС, и входящие в него государства как организации разного рода, которые взаимодействуют в сфере глобального управления, конкурируя за влияние. В сравнении с индивидами, организации, составляющие международные отношения (государства), менее управляемы. Поэтому метаорганизациям сложнее, нежели обычным организациям, включающим индивидов, выступать в роли игроков в мировой политике, каковым ЕС в действительности является. Метаорганизации в своей деятельности на международной арене сталкиваются с ограничениями, которых не знают государства. При этом создание и утверждение норм, которым должны следовать в своём поведении государства, является функцией первостепенной важности для метаорганизации. В настоящей статье усилия ЕС по региональной и глобальной координации национальных налогов на финансовые трансакции, а также его участие в глобальном климатическом режиме представлены как примеры, подтверждающие специфику его функционирования в глобальной среде в качестве одной из метаорганизаций. В них ярко проявляются проблемы согласования подходов государств, входящих в Европейский Союз.

Ключевые слова:

Европейский союз; организационная теория; глобальное управление; нормативная сила; метаорганизация; налог на финансовые трансакции.

В настоящее время субъектность Европейского Союза в мировой политике получает все более явное признание [Wunderlich

2012]. Он вовлечён в широчайшую сеть двусторонних и многосторонних связей, обеспечивающих участие в различных отраслях

---

¹Настоящая статья подготовлена в рамках грантового проекта № 14-07-00046 по теме «Участие Европейского Союза в глобальном хозяйственном управлении: организационный анализ» при финансовой поддержке РФГФ.

глобального управления. Особенно заметна его роль в укреплении систем экономического и климатического регулирования. Брюссель провозгласил стратегической целью достижение эффективной многосторонности в процессе становления международных режимов и стремится принимать активное участие в её достижении.

Вместе с тем в формирующемся многоуровневом комплексе глобального хозяйственного управления европейское интеграционное объединение до сих пор не играет определяющей роли. Изучение особенностей его политики на основных экономических площадках (таких как, ВТО, МВФ, Мировой банк, «группа семи/восьми» и «группа двадцати») подводит к выводу: высокая норма представительства ЕС до сих пор сопровождалась относительно низким коэффициентом эффективности его внешнеполитических усилий [Pisany-Ferry 2009: 34; Стрежнева 2012].

Баланс сил, который поддерживали США и СССР в период «холодной войны», был чрезвычайно устойчив. В последние два десятилетия ему на смену пришли сначала беспрецедентное доминирование Соединённых Штатов, а затем растущая полицентричность системы (в первую очередь ввиду решительного выхода на международную арену таких стран, как Китай, Индия, Бразилия). Это стало источником повышенного напряжения и нестабильности в международных отношениях. Возникающие на всех континентах центры силы, а также многочисленные транснациональные игроки (в частности, глобальные финансовые сети и террористические объединения) бросают вызов традиционным державам — США, Япония, крупнейшим странам ЕС или России. В этих условиях вопрос о причислении Евросоюза к числу новых центров силы в мире или перспектив его ослабления на фоне усиления других держав оказывается дискуссионным [Smith K. 2013; Smith M. 2013].

Представления о многосторонности заметно эволюционировали со времен окончания Второй мировой войны. В послевоенный период появление системы ин-

ститутов Организации Объединённых Наций, охватывающей ширящийся круг проблем, удовлетворяло потребность в координации усилий в международных масштабах. Государства участвовали в ней на формально равных основаниях, подчиняясь чётким правилам. Хотя сформулированные в послевоенную эпоху организующие принципы сохраняют жизнеспособность и сегодня, в многосторонности стали усматривать новые отличительные черты: (1) возросшую диверсификацию многосторонних организаций внутри и помимо системы ООН; (2) бóльшую значимость негосударственных субъектов; (3) интенсивное сопряжение разных политических полей; (4) расширенные возможности вовлечения гражданского общества [Van Langenhove 2010], что ставит многосторонние и региональные организации и государства перед новыми вызовами.

Для полноценного включения негосударственных игроков в меняющуюся картину мира в 1990-х годах в научные обсуждения было внедрено понятие глобального управления [Глобальное управление 2015; Biermann, Pattberg, Asselt, Zelli 2009]. С одной стороны, его можно рассматривать как нормативную политическую программу. С другой — глобальное управление служит аналитическим подходом, выявляющим изменения в международных процессах принятия решений, произошедших за последние десятилетия.

Если понятие «управление» подразумевает коллективный процесс политического регулирования в отсутствие единого контролирующего центра или организующего принципа, то дискурс «глобального управления» выводит на первый план вертикальные и горизонтальные измерения этого процесса [Governance without Government 1992]. Главной долговременной структурной особенностью мировой политики сегодня стала высокая мера неопределённости в отношении формирующегося международного порядка. Адаптивные способности глобальных игроков, включая ЕС, подвергаются в такой обстановке серьёзному испытанию на прочность. Тем важнее

для специалистов ответить на вопрос о том, что мешает Евросоюзу повысить свою эффективность на мировой арене.

1

Исследователи зачастую описывают ЕС как уникальную общность, вышедшую за пределы традиционных форм политической организации и представляющую собой гибридную наднациональную модель управления. Подобный статус затрудняет поиск подходящего места для Евросоюза в современном мировом порядке. В случае приверженности логике государствоцентризма, его способность выступать одним из центров полицентричного мира вызывает критику.

В частности, британский автор Карен Смит в книге «Внешняя политика Европейского союза в меняющемся мире» рассматривает пять внешнеполитических целей, которые преследует ЕС: поощрение регионального сотрудничества и интеграции; защита прав человека; продвижение демократии и должного управления; предотвращение вооруженных конфликтов; борьба с международной преступностью [Smith K. 2008]. По итогам анализа политики интеграционного объединения по достижению поставленных целей Смит ставит под сомнение результативность воздействия ЕС, а значит, и его «субъектность» на мировой арене. Таким образом, её ответ на вопрос о способности объединения выступать центром силы в современном мире скорее отрицательный.

Ни она, ни другие исследователи не опровергают значительный потенциал ЕС в международной политике. Он основан и на дипломатических возможностях Брюсселя, и на его материальных ресурсах. Тем не менее их наличие ещё не означает способность успешно задействовать имеющиеся инструменты. С точки зрения других игроков, у ЕС отсутствует стратегия на будущее. Более того, он не оказывает реального влияния в некоторых важных сферах – в особенности в вопросах военной безопасности.

Если же избрать альтернативный методологический подход, рассматривающий субъектность с позиций глобального управле-

ния, то следует определить функциональную роль Евросоюза в складывающейся мировой системе. Его опыт достижения консенсусных решений оказывается востребованным на глобальном уровне.

С учетом ограниченного военного потенциала ЕС, его отличительной особенностью становится опора на нормы, ценности и силу примера – в отличие от традиционной «жесткой» мощи. Современная, более инклюзивная многосторонняя система содержит дополнительные возможности именно для такого объединения, открывая путь к взаимодействию с субнациональными, многонациональными и транснациональными игроками и их сетями [The EU 2011: 2].

В связи с этим предпосылкой для повышения значимости объединения на мировой арене стало формирование институциональных возможностей политического действия. Ещё в 1970 г. Суд Европейских сообществ ввёл принцип, по которому в случае перехода регионального объединения к общей политике в каких-то вопросах, наднациональные институты обретали в соответствующих сферах некоторую роль в его внешнем представительстве. С учетом высокого уровня экономической интеграции Европейская комиссия зарезервировала практически эксклюзивное право представлять государства-члены на международных торговых переговорах. Лиссабонский договор 2007 г. учредил общую дипломатическую службу ЕС. Если на начальных этапах развития европейского объединения региональная интеграция оставалась преимущественно внутренним делом государств-членов, то за последние тридцать лет ЕС действительно нарастил способность к самостоятельным действиям на международной арене.

2

«Нормативная сила», которую нередко приписывают ЕС [Романова 2011], подразумевает его способность влиять на действия и представления других игроков (в том числе его собственных государств-членов) средствами прямого и опосредованного убеждения. Эта концепция достаточно точ-

но улавливает специфику международной практики Евросоюза. Его представление как «нормативной силы» было предложено в 2002 г. британским исследователем Иэном Мэннерсом, настаивавшем на состоятельности Евросоюза в вопросах моделирования международных отношений [Manners 2002; Manners 2015].

В то же время признание наличия такой формы влияния подразумевало, что есть и иные образования, которые ей не владеют. Имелось в виду, что они прагматичны и материалистичны в своих целях и политических ориентациях, либо же, если они и обладают ценностной программой, то не располагают возможностями для отстаивания своих предпочтений [Wood 2009: 116].

Попытки определения ЕС как «нормативной силы» критиковались и представителями радикального конструктивистского подхода, у которого была позаимствована онтология, закрепляющая дуализм норм и интересов. Их жёсткое разделение приводило к тому, что, по справедливому замечанию Пановой и Романовой: «Москва традиционно представляется ... как актер, действующий только на основе интересов, тогда как Брюссель (как центр Евросоюза), мол, исходит из ценностей». Между тем при сравнении двух игроков следовало бы применять единую систему методологических установок [Павлова, Романова 2014].

Подобная последовательность прослеживается в работах канадского исследователя Джоан ДеБарделебен, которая, опираясь на положения конструктивизма, отказывается от радикальных его версий. В её трактовке Россия и ЕС относительно молоды как региональные и глобальные игроки. И оба находятся в процессе формирования своей внешнеполитической идентичности, в силу чего конструирование интересубъективных смыслов становится особенно важным преобразующим элементом в их отношениях. Далее ДеБарделебен пишет: «Конструктивистский анализ способен помочь в выявлении взаимосвязей между противоречиями в нормах, противоположными толкованиями интересов и расходящимися представлениями

об управлении» [DeBardleben 2012]. Если признать, что «нормативная сила» способна придавать другим субъектам форму нормальности (соответствия стандартам), то изучение нормального (интересов, предпочтений) тем более не должно избегать осмысления «нормативной силы» [Manners 2013].

Нетрудно согласиться с тем, что ресурс «нормативной силы», которым обладает ЕС, позволяет ему влиять на содержание глобальных правил (к примеру, в вопросах торговли или финансового регулирования). Вместе с тем определение самого этого понятия у многих специалистов по-прежнему вызывает сомнения и нуждается в дополнительных пояснениях [Garelli 2012; Grauls, Stahl 2011; Hyde-Pryce 2006; Youngs 2004]. Кроме того, в последние годы образовался большой разрыв между риторикой ЕС и его действиями по отстаиванию декларируемых идеалов, что наглядно проявляется в его санкционной политике [Del Biondo 2012]. Как замечает немецкий политолог Клаус Бруммер, ЕС накладывает лишь выборочные ограничения на отдельные страны, причём критерии выбора остаются непроясненными [Brummer 2009].

Обоснование международно-политической значимости европейского объединения наличием «нормативной силы» также не позволяет уделять достаточного внимания экономическому и институциональному весу «Единого внутреннего рынка» (ЕВР) ЕС [Newman, Posner 2015: 1320]. В этой связи другой перспективный способ объяснения глобальной роли ЕС – представления его как «гражданской силы» [Krohn 2009:4–9], что позволяет подчеркнуть усилия по обеспечению соответствия международной среды хозяйственным моделям и стандартам самого Евросоюза – ради получения преимуществ на мировых рынках. Между тем логика построения и деятельности ЕС хорошо укладывается в определение комплексной организационной системы, что позволяет применять к нему наработки современной организационной теории (ОТ), берущей начало в социологии [Murdoch 2015; Стрежнева 2014: 37–38; Прохоренко 2015].

З

Организация понималась в ранних работах по ОТ как *объединение людей, обладающих правами, распространение которых ограничено его рамками, и действующих на основе установленных принципов и правил*. Она представлялась ориентированной на достижение предустановленной цели общественным образованием, спроектированным как скоординированная система деятельности. Современная теория организации рассматривает ее как открытую систему, которая должна взаимодействовать со средой ради выживания. Данная теория изучает организационный дизайн и структуры, отношения организации с внешней средой, а также поведение менеджеров и технократов внутри неё. Она помогает изучать способы её адаптации к изменениям и вызовам внешней среды, в том числе реагирование на нормативное давление извне.

Представители ОТ убеждены в том, что международной организации, несмотря на зависимость от создавших ее государств, могут быть присущи самоидентификация как субъекта действия, автономия поведения, собственный интерес в международных отношениях. Их отличает также внимание к тому, как международная организация влияет на идентичность и интересы своих участников и третьих стран. Этим она отличается от государствоцентричных, ортодоксальных теорий международных отношений. Для последних такие образования, как ЕС или ВТО, – не более чем лишённые собственной воли инструменты, которыми могут воспользоваться государства.

Ранние работы по ОТ в первой половине XX века опирались на опыт общественного сектора. К их написанию приложили руку многие политологи, включая таких авторитетов, как Джеймс Марч и Йохан Олсен [March, Olsen 1984]. С 1990-х годов большая часть публикаций этой исследовательской программы [Мильнер 2000] полностью сосредоточилась на частных организациях [Arellano-Gault, Demortain, Rouillard, Thoenig. 2013]. Преобладание таких работ оказалось столь внушитель-

ным, что значительная часть представителей смежных областей пребывали в убеждении, что ОТ ориентирована на объяснение поведения только коммерческих фирм [Fligstein 2001: 2].

Между тем в 1990-х годах многие исследователи отказались от рассмотрения Евросоюза как международной организации и стали сравнивать его с национальными политическими, экономическими, общественными и правовыми системами. В центре подхода с позиций ОТ лежит анализ структурных характеристик процесса принятия решений в организации. При этом под ними понимаются не только формальные структуры, но также неформальные и сетевые отношения, социокультурные и когнитивные аспекты организационного устройства.

Разумеется, структуры не становятся самодовлеющими, а индивидуальные агенты сохраняют лишь некоторую свободу рук. Вместе с тем способность последних принимать решения поставлена в зависимость от рутинизации практик и наличия площадок согласования решений. Таким образом, организационные структуры выступают как независимая переменная, а предметно-содержательные результаты деятельности – как зависимая.

Дуглас Норт предложил считать институты игрой, а организациями – тех, кто в неё играет. К таким игрокам, по его мнению, относятся и государства, и международные объединения – в том числе такие региональные группировки, как ЕС [North 1993]. Форма международной организации может мешать или, напротив, содействовать попыткам распространения и укрепления норм. Более чем сами нормы, ценности и принципы, преверженность которым разделяет большое число организаций, именно институциональный дизайн игроков оказывается важнейшей причиной их успеха или провала в преследовании декларируемых и подразумеваемых целей. Сосредоточившись на организационном дизайне и системе стимулирования, легче оценить воздействие объединения на его членов, а также причины, по которым они реагируют на внешние стимулы так, а не иначе.

ЕС представляется международной организацией, внешнюю среду которой составляет глобальное политико-правовое управление, в котором Брюссель претендует на одну из главных ролей. Между тем в 2000-х годах шведские учёные Горан Арне и Нильс Брунссон разработали концепцию метаорганизаций [Ahrne, Brunsson 2005; Ahrne, Brunsson 2008; Ahrne, Brunsson 2010; Kerwer 2013]. Она отразила серьёзные изменения в устройстве международных объединений, наметившиеся после «холодной войны».

С распространением западной либеральной модели политического управления межгосударственную кооперацию по обеспечению безопасности, экономического благосостояния и защиты окружающей среды стало реализовать легче. НАТО, ВТО и ЕС приняли в состав новых членов, а также перешли к более инвазивным, чем в предшествующие периоды, правилам в отношении государств. Они превратились в агентов глобального управления, которых нельзя рассматривать лишь как арену взаимодействия представителей государств. В данной связи международные объединения можно охарактеризовать как агентов глобального управления, которые инкорпорируют другие, более мелкие организации².

В выделении ЕС и похожих объединений в качестве организаций особого типа существуют значительные теоретические преимущества, по сравнению как со скепсисом реалистов, так и с отождествлением их с традиционными ассоциациями с индивидуальным членством [Ahrne, Brunsson 2010: 3]. Главное преимущество состоит в том, что в этом случае более выпукло предстаёт их фундаментальное отличие от более привычных форм организации. В сравнении с индивидами, государства менее управляемы. Вот почему международному объединению сложнее, нежели стандартной организации, выступать в роли самостоятельного субъекта на международной

арене, каковым она тем не менее является. При этом создание и утверждение норм – функция первостепенной важности для международных объединений.

В отношении ЕС аналитическая рамка ОТ могла бы показаться излишне экстравагантной, учитывая сложившееся восприятие его как уникального (*sui generis*) образования, которое не поддаётся сравнению; так же, как выводы, сделанные на основе его изучения, не создают возможности для теоретического обобщения. Вместе с тем заслуживает внимания точка зрения, согласно которой Европейский Союз и Европейская комиссия за последние полтора десятилетия в своей субъектности стали больше походить на нормальное государство и исполнительную власть соответственно. Такая эволюция открывает большие, чем ранее, возможности для сравнения ЕС с государствами как представителями различных моделей организации [Jupille, Caporaso, Checkel 2003; Kreppel 2012; Wille 2013].

Голландский специалист Дитер Кервер пришёл к выводу, что: «Несмотря на облик ЕС как влиятельного игрока, многое свидетельствует в нём о конфликте вокруг субъектности (между организацией и её государствами-членами), *который типичен для международных организаций* (курсив М.С.)» [Kerwer 2013: 42]. Подобное положение обусловлено тем, что ЕС не получил монополии на представительство своих интересов в большинстве сфер международной деятельности [Hill, Smith 2011].

Государства-члены ЕС по-прежнему реализуют (пусть в урезанных или остаточных формах) собственный внешнеполитический курс в отношении и третьих стран, и международных организаций. По каждому вопросу им приходится координировать свои позиции заново, причём возможность автономного действия всегда остаётся доступной. Даже во внешней торговле, где Европейская комиссия убедительно представляет ЕС в целом, государства-члены

²К примеру, членами ФИФА (Международная федерация футбола), тесно вовлечённой в глобальное спортивное управление, являются не государства, а национальные футбольные ассоциации.

непосредственно вовлечены в выработку мандата на ведение международных переговоров. Группировка, в которой сочетаются наднациональные и межправительственные элементы, представляет собой не чистый случай делегирования власти и мониторинга результатов, а скорее систему совместного принятия решений правительствами государств и европейскими институтами.

Показательный пример, подтверждающий подобную гипотезу, представляет собой политика ЕС по глобальному климатическому управлению [Саворская 2015]. Брюссель претендует в этой области на лидирующую роль, отстаивая амбициозные международные обязательства, которые должны взять на себя государства. В то же время, будучи единственным региональным объединением, участвующим в Рамочной конвенции ООН по климату и в Киотском протоколе, Союз делит компетенции в области климатической политики со своими государствами-членами. В этой связи его роль в глобальном климатическом режиме обусловлена такими ограничениями, которых не знают государства, действующие полностью самостоятельно.

В вопросах экологической политики полномочия ЕС и отдельных государств-членов взаимно пересекаются, так как этот вопрос отнесен к сфере смешанной компетенции. На первый взгляд, принять общую позицию в данной области несложно. Европейская комиссия проводит широкие консультации и предлагает проект решения, а Европейский парламент и Совет ЕС, как двухпалатная легислатура, голосуют по нему. В случае их согласия решение вступает в силу. Вместе с тем существенное значение имеют детали процедуры – в частности, должен ли Совет в каждом конкретном случае голосовать единогласно или большинством голосов.

Принцип квалифицированного большинства в этом органе не позволяет небольшой группе стран противодействовать тому, чего хотят остальные. В то же время государства не склонны передавать на усмотрение большинства всё новые вопросы

из нежелания по какому-то из них оказать-ся в меньшинстве. В результате высокочувствительные области (такие, как налогообложение и энергетика) по-прежнему требуют единогласия в Совете. А это значит, что всякая страна ЕС может в одиночку заблокировать предложение – в том числе, если речь идёт о международном измерении политики.

Поскольку в ЕС климатическое управление выросло из экологической политики, вопросы которой Совет решает квалифицированным большинством, логично было бы предположить, что и по вопросам глобального климатического управления Совет должен голосовать так же. Более того, в Договоре о функционировании ЕС прямо сказано (ст. 191) о том, что объединение вправе «заниматься региональными и мировыми экологическими проблемами, в особенности бороться с изменениями климата» [Consolidated versions 2012].

На деле выходит иначе. Климатическая политика всё теснее переплетается с энергетической. Но последняя требует единогласия в Совете. Меры, предпринимаемые ЕС в области энергетики, не должны затрагивать право государств-членов на определение условий по эксплуатации энергетических ресурсов, выбор, который они делают между разными источниками энергии, и общую структуру их энергетических запасов. В частности, к единогласному голосованию прибегли при принятии в Совете решения по Энергетической дорожной карте ЕС до 2015 года, что позволило Польше использовать право вето. Подобная процедура применялась даже несмотря на то, что группы защитников окружающей среды настаивали, что речь идёт о климатической политике. Совет отказался принять такой аргумент во внимание.

4

В сентябре 2011 г. Европейская комиссия представила законодательное предложение о введении в объединении скоординированного налога на финансовые транзакции (НФТ). Инициативу поддерживали Франция и Германия, но в дальнейшем

Комиссии пришлось отказаться от нее ввиду сопротивления других государств-членов (Великобритании, Швеции, Люксембурга, Болгарии, Чехии, Мальты и Дании). Было высказано предположение, что такой налог сможет эффективно работать только в случае глобального его применения — иначе финансовая активность мигрирует из ЕС в другие центры, с последующей потерей рабочих мест и налоговых поступлений.

Между тем во многих странах Евросоюза (Австрия, Греция, Люксембург, Польша, Португалия, Испания, Великобритания, Франция, Италия), а также за его пределами (Южная Африка, Республика Корея, Гонконг, Бразилия, Индия) подобные налоги, в той или иной форме, уже введены. Вместе с тем их условия не скоординированы, что угрожает сохранению либеральных правил на глобальных и европейских финансовых рынках. В связи с этим в ноябре 2011 г. президент Франции Николя Саркози выступил на саммите «группы двадцати» в Каннах (Франция) с предложением о глобальном НФТ, который позволил бы гармонизировать национальные правила.

Подобное предложение пользуется широкой поддержкой со стороны глобального гражданского общества. Независимые эксперты призывают ЕС выступить лидером в его продвижении, чтобы обеспечивать справедливый вклад финансового сектора в преодоление последствий экономического, сырьевого и климатического кризисов. По разным подсчетам, в масштабах «группы двадцати» НФТ мог бы приносить от 48 до 250 млрд долларов в год. С открытым одобрением этого глобального налога выступил ряд стран (включая Южную Африку, Бразилию, Аргентину), а также Африканский союз и Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун.

Тем не менее на саммите в Каннах в 2011 г. французское предложение наткну-

лось на сопротивление группы государств (его не поддержали, в частности, США, Канада, Индия, Россия). Понятно, что против НФТ всеми силами борется мощное финансовое лобби. Скептики высказали предположение, что доходы от глобального НФТ скорее пойдут на помощь обремененным долгами странам Еврозоны, чем беднякам по всему миру. Впрочем, и представители ЕС не выступили в этом вопросе единым фронтом³.

Впоследствии Европейский Союз принял решение ввести аналогичный налог только среди части своих членов в формате продвинутого сотрудничества (для тех, кто готов к этому — в расчёте на то, что позднее за ними последуют остальные). 14 февраля 2013 г. Еврокомиссия выступила с проектом соответствующей директивы. Тем не менее единогласия оказалось непросто достичь даже в кругу желающих. Лишь в декабре 2015 г. десять стран Еврозоны⁴ договорились по большинству аспектов гармонизированного европейского НФТ, дав себе время до середины следующего года, чтобы окончательно согласовать остающиеся вопросы, включая налоговые ставки. Планируется, что большая часть сборов должна идти в наднациональный бюджет ЕС, а в перспективе — в бюджет Еврозоны. При этом национальные вклады в европейский бюджет предложено сокращать на сумму, равную поступлениям от данного налога из каждой конкретной страны.

Законопроект вводит «принцип размещения» (*issuance principle*), что подразумевает экстерриториальность при сборе налога: европейский НФТ должен собираться вне зависимости от того, где происходит транзакция и где находится участвующий в ней финансовый посредник. С учётом рыночной мощи ЕС налог, вводимый в такой форме, может оказать заметное давление на региональные и глобальные рынки, вынуждая поменять отношение к нему некоторых скептиков (прежде всего Великобритании,

³Против НФТ на всех уровнях яростно боролось, в частности, правительство Великобритании во главе с Д. Кэмероном.

⁴Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Италия, Испания, Португалия, Словакия, Словения и Франция.

но, возможно, со временем и США, где в Демократической партии немало своих приверженцев НФТ).

Немаловажным остаётся вопрос целеполагания Евросоюза при введении глобального НФТ. Очевидна достойная широкой международной поддержки нормативная задача – поставить заслон финансовым спекуляциям, подрывающим стабильность, и даже принести дополнительные средства в программу глобального развития. Вместе с тем Брюссель явно озабочен перспективами развития европейских финансовых центров, которые могут пострадать в результате введения такого налога в одностороннем порядке. Тем не менее в данном вопросе после саммита «группы двадцати» в Каннах ЕС отказалась от исключительной опоры на собственные нормативные возможности, которых оказалось недостаточно, и попробовал включить ресурс гражданской мощи. О практических результатах такой стратегии можно будет судить только после введения налога.

При оценке возможности генерализации данного примера на другие аспекты внешней деятельности ЕС необходимо учитывать, что в налоговой сфере наднациональные институты относительно слабы по сравнению с государствами-членами. Они не вправе напрямую устанавливать налоги (данный вопрос находится в ведении правительств государств). Вместе с тем ЕС наделён полномочиями по осуществлению надзора над действиями правительств на предмет соответствия вводимых ими налогов политике объединения и задаче обеспечения целостности «Единого внутреннего рынка». Для достижения соответствующих целей как раз и могут вводиться наднациональные правовые нормы, регламентирующие косвенное налогообложение, что позволяет гармонизировать национальные правила. По таким вопросам Совет принимает решения единогласно.

* * *

В быстро меняющемся мире глобальная роль Евросоюза стала объектом споров и критической ревизии. На её восприятии в

третьих странах отрицательно сказался мировой финансово-экономический кризис, вскрывший слабые стороны институционального устройства интеграционного объединения. Он породил представления о том, что внешнеполитические возможности Евросоюза сжимаются. Констатируется растущий разрыв между ними и глобальными амбициями объединения.

Между тем наличие «Единого внутреннего рынка» по-прежнему обеспечивает ЕС значительный международный вес. Благодаря ему в двусторонней и многосторонней торговой дипломатии Евросоюз по-прежнему весьма эффективен. В то же время по более широкому кругу вопросов глобального экономического управления явно просматривается функциональная недостаточность. В тех областях, где ЕС отстаивает нормативную повестку дня (вопросы экологии, защиты прав человека, отчасти финансового регулирования), Брюссель пытается выступать лидером, как и в торговле, но редко ему это удаётся в полной мере. Парадоксальным образом, именно в тех сферах, в которых у объединения положительный глобальный имидж, он демонстрирует меньшую эффективность. Там же, где у него большой материальный потенциал, признаваемый его международными партнёрами, у ЕС облик менее положительный: здесь его чаще упрекают в эгоизме и близорукости принимаемых решений.

Пример с попыткой инициирования ЕС глобальной координации национальных налогов на финансовые транзакции показателен. Он проливает свет на взаимовлияние его поведения, как сложной метаорганизации, с одной стороны, и структурной и культурной среды его существования (правил, норм, ценностей, ограничений и целевых ориентиров) – с другой. Недостаточно скорректированная позиция (на фоне кризиса суверенных долгов в Еврозоне) заведомо не сулила успеха, поскольку нормативная риторика не могла скрыть столкновение разных точек зрения и интересов среди государств-членов объединения.

Ввиду подобных неудач в самом ЕС многие считают нужным усилить коорди-

нирующую роль Верховного представителя по иностранным делам, а также возглавляемой им Европейской службы внешних действий. Однако положения организационной теории позволяют предположить, что такой меры будет недостаточ-

но для преодоления структурных слабостей объединения на международной арене до тех пор, пока государства-члены ревностно сохраняют национальный суверенитет внутри укрепляющейся наднациональной системы.

Список литературы

- Глобальное управление: возможности и риски // Отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с. URL:http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2015/2015_009_full.pdf
- Мильнер Б.З. Теория организации. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: ИНФРА-М, 1999. 477 с.
- Павлова Е.Б., Романова Т.А. Идеиное соперничество или «треш-дискурс»? // Россия в глобальной политике. 2014. № 3. URL:<http://www.globalaffairs.ru/number/Ideinoe-sopernichestvo-ili-tresh-diskurs-16767>
- Прохоренко И.П. Глобальная роль Евросоюза: что и как объясняет организационная теория // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. №2. С. 5–17.
- Романова Т.А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы её восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Серия 6. № 1. С. 52–66.
- Саворская Е.В. Европейский союз как участник международного климатического режима: организационный анализ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 2. С. 96–125.
- Стрежнева М.В. Территориальный и функциональный типы организации политических пространств (в развитие интеграционной теории) // Политическая наука. 2014. №2. С. 24–43.
- Стрежнева М.В. Взаимодействие Европейского союза с международными институтами // Год планеты: ежегодник. Выпуск 2012: экономика, политика, безопасность. М.: Идея-Пресс. 2012. С. 254–266.
- Ahrne G., Brunsson N. How much do meta-organizations affect their members? // Paper presented at SGIR 7th Pan-European International Relations Conference. 9–11 September 2010. Stockholm. URL:<http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/stockholm/Meta-organizations.pdf>
- Ahrne G., Brunsson N. Meta-organizations. 2008. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 200 p.
- Ahrne G., Brunsson N. Organizations and Meta-Organizations // Scandinavian Journal of Management. 2005. Vol. 21. № 4. P. 429–449. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/09565221/21>
- Arellano-Gault D., Demortain D., Rouillard C., Thoening J.-C. Bringing public organization and organizing back in // Organization Studies. 2013. Vol. 34. № 2. P. 145–167.
- Biermann F., Pattberg P., van Asselt H., Zelli F. The Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis // Global Environmental Politics. 2009. Vol. 9 № 4. P. 14–40. URL:<http://www.glogov.org/images/doc/9.4.biermann>
- Brummer K. Imposing Sanctions: The Not So 'Normative Power Europe // European Foreign Affairs Review. 2009. Vol. 14. № 2. P. 191–207.
- Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union – Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Protocols – Annexes – Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 – Tables of equivalences // Official Journal C 326. 26/10/2012. P. 0001 – 0390. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>
- De Bardeleben J. Applying Constructivism to Understanding EU–Russia Relations // International Politics. 2012. № 49. P. 418–433. DOI:10.1057/ip.2012.8
- Del Biondo K. Norms, self-interest and effectiveness: explaining double standards in EU reactions to violations of democratic principles in Sub-Saharan Africa // Afrika Focus. 2012. Vol. 25. № 2. P. 109–120. URL:http://www.gap.ugent.be/africafocus/pdf/2012Vol25_2_AF_DelBiondo.pdf
- Fligstein N. Organizations. Theoretical debates and the scope of organizational theory. 2001. 42 p. URL: <http://sociology.berkeley.edu/sites/default/files/faculty/fligstein/inter.handbook.paper.pdf>
- Garelli S. The European Union's Promotion of Regional Economic Integration in Southeast Asia: Norms, Markets or Both? // Bruges Political Research Papers / Cahiers de recherche politique de Bruges. 2012. № 25. 37 p.

- Governance without Government: Order and Change in World Politics // Ed. by J. Rosenau and E.-O. Czempiel. New York: Cambridge University Press, 1992. 311 p.
- Grauls S., Stahl A.* European development policy towards sub-Saharan Africa: Challenges of the growing Chinese presence // *Émulations*. 2010. №7. URL: <http://www.revue-emulations.net/archives/n7/grauls>
- Hill C., Smith M.* International Relations and the European Union. Oxford: Oxford University Press. 2011. Second edition. 557 p.
- Hyde-Price A.* 'Normative' power Europe: a realist critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13. № 2. P. 217–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13501760500451634>
- Jupille J., Caporaso, J.A., Checkel J.T.* Integrating institutions: Rationalism, Constructivism, and the bltudy of the European Union // *Comparative Political Studies*. Vol. 36. №. 1–2. P. 7–40.
- Kerwer D.* International organizations as meta-organizations: The case of the European Union // *Journal of International Organizations Studies*. 2013. №4. P. 40–53. URL: http://journal-iostudies.org/sites/journal-iostudies.org/files/JIOS2013-special-issue_Kerwer.pdf
- Kreppel A.* The normalization of the European Union. // *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19. №5. P. 635–645. URL: http://eacea.ec.europa.eu/LLp/events/2013/documents/jm_cluster/the_normalization_of_the_eu_amie_kreppel-s_article.pdf
- Krohn F.* What Kind of Power? The EU as an International Actor. // *Atlantic-Community.org*. October 9, 2009. URL: <http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Fabian%20Krohn.pdf>
- Manners I.* Sociology of Knowledge and Production of Normative Power in the European Union's External Actions // *Journal of European Integration*. 2015. Vol. 37. № 2. P. 299–318. DOI: 10.1080/07036337.2014.990141
- Manners I.* Assessing the Decennial, Reassessing the Global: Understanding European Union Normative Power in Global Politics // *Cooperation and Conflict*. 2013. Vol. 48. № 2. P. 304–329. / Special Issue on Normative Power Europe, ed. by K. Nicolaidis and R. Whitman. DOI: 10.1177/0010836713485389 URL: http://curis.ku.dk/ws/files/130802025/lan_Manners_Assessing_the_decennial_reassessing_the_global_Understanding_EU_normative_power_in_global_politics_C_C_2013.pdf
- Manners I.* Normative Power Europe: a Contradiction in Terms // *JSMC*. 2002. Vol. 40. № 2. P. 235–58. URL: http://polsci.colorado.edu/sites/default/files/5B_Manners.pdf
- March J.G., Olsen J.P.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *The American Political Science Review*. September 1984. Vol. 78. №3. P. 734–749.
- Murdoch Z.* Organization Theory and the Study of European Union Institutions: Lessons and Opportunities // *Organization Studies*. 2015. Vol. 36. № 12. P. 1675–1692. DOI: 10.1177/0170840615585342. URL: <http://oss.sagepub.com/content/36/12/1675.full.pdf+html>
- Newman A.L., Posner E.* Putting the EU in its place: policy strategies and the global regulatory context // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22. № 9. P. 1316–1335. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2015.1046901>
- North D.* Institutions and Credible Commitment // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1993. Vol. 149. №1. P. 11–23.
- Pisany-Ferry J.* The Accidental Player: The European Union and the Global Economy // *The European Union and International Organizations* / ed. by K. E. Jorgensen. London: Routledge. 2009. P. 21–36.
- Smith K.E.* Can the European Union be a Pole in a Multipolar World? // *The International Spectator*. 2013. Vol. 48. № 2. P. 114–126. DOI: 10.1080/03932729.2013.788378
- Smith K.E.* European Union Foreign Policy in a Changing World. Cambridge: Polity Press, 2nd edition. 2008. 331 p.
- Smith M.* Beyond the Comfort Zone: Internal Crisis and External Challenge in the European Union's Response to Rising Powers // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. № 3. P. 653–671. DOI: 10.1111/1468-2346.12038
- The EU and Multilateralism: Nine Recommendations // *EU-GRASP Policy Brief*. 2011. 4 p. URL: http://mercury.uni-koeln.de/fileadmin/user_upload/Policy_Brief_EU_and_Multilateralism.pdf
- Van Langenhove L.* The Transformation of Multilateralism, Mode 1.0 to Mode 2.0 // *Global Policy*. 2010. Vol. 1. № 3. P. 263–270. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00042.x. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1758-5899.2010.00042.x/epdf>
- Wille A.* The normalization of the European Commission: Politics and bureaucracy in the EU Executive. Oxford: Oxford University Press. 2013. 256 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199665693.001.0001
- Wood S.* The European Union: a Normative or Normal power? // *European Foreign Affairs Review*. 2009. Vol. 14. № 1. P. 113–128.
- Wunderlich J.-U.* The EU an Actor Sui Generis? A Comparison of EU and ASEAN Actorness // *Journal of Common Market Studies*. 2012. Vol. 50. № 3. P. 653–669. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02237.x
- Youngs R.* Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity // *Journal of Common Market Studies*. 2004. Vol. 42. № 2. P. 415–435.

AGENCY OF THE EU IN THE MIRROR OF ORGANIZATIONAL THEORY⁵

MARINA STREZHNEVA

IMEMO, Moscow, 117484, Russia

Abstract

The European Union plays a salient role in the global arena. Yet to conceptualize its global role is a tough proposition if we remain within the scope of traditional international relations theory characterized by state-centrism. Indeed, the EU is commonly believed to be a sui generis entity, something between a state and an international organization. In the 2000s its position in international relations was commonly defined through the concept of “normative power”. However, this framework seems insufficient to explain diversity of the roles the EU assumes in international politics. Organization theory provides a partial solution to this puzzle, especially the meta-organization concept developed on its basis. They allow to treat both the EU and its member-states as organizations (although each of a different kind), which interact in the sphere of global governance, de facto competing with each other for authority. When compared to individuals, the smaller organizations composing meta-organizations emerge as less manageable. Thus, it is more problematic for a meta-organization, than for an organization per se, which includes individuals, to function as the global actor that it definitely is. In the international arena a meta-organization faces limitations that states never have. That notwithstanding, the establishment and maintenance of norms that states are expected to follow is, without doubt, of primary importance for meta-organizations. In this article EU efforts in regional and global coordination of financial transaction taxes, as well as EU participation in the global climate governance regime are presented as two examples which substantiate the specifics of its functioning in the global environment in the capacity of a meta-organization.

Keywords:

European Union; organization theory; global governance; normative power; meta-organization; financial transaction tax.

References

- (2007). Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union – Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Protocols – Annexes – Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 – Tables of equivalences. Official Journal C 326. 26/10/2012. P. 0001 – 0390. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>
- Ahrne G., Brunsson N. (2000). *How much do meta-organizations affect their members?* Paper presented at SGIR 7th Pan-European International Relations Conference. 9–11 September. Stockholm. URL: <http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/stockholm/Meta-organizations.pdf>
- Ahrne G., Brunsson N. (2008). *Meta-organizations*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 200 p.
- Ahrne G., Brunsson N. *Organizations and Meta-Organizations*. *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 21. № 4. P. 429–449. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/09565221/21>
- Arellano-Gault D., Demortain D., Rouillard C., Thoenig J.-C. (2013). *Bringing public organization and organizing back in*. *Organization Studies*. Vol. 34. № 2. P. 145–167.
- Baranovsky V.G., Ivanova N.I. (eds) (2015). *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global governance: opportunities and risks]. M.: IMEMO RAN. 315 p. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2015/2015_009_full.pdf

⁵This article has been prepared with the financial support of the Russian Foundation for Humanities (RFH). Project no. 14-07-00046 on the subject of «Organizational Analysis of the European Union Participation in Global Economic Governance».

- Biermann F., Pattberg P., van Asselt H., Zelli F. (2009). *The Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis. Global Environmental Politics*. Vol. 9. № 4. P. 14–40. URL: <http://www.glogov.org/images/doc/9.4.biermann>
- Brummer K. (2009). Imposing Sanctions: The Not So 'Normative Power Europe. *European Foreign Affairs Review*. Vol. 14. № 2. P.191–207.
- De Bardeleben J. (2012). Applying Constructivism to Understanding EU–Russia Relations. *International Politics*. № 49. P 418–433. DOI :10.1057 /ip.2012.8
- Del Biondo K. (2012). Norms, self-interest and effectiveness: explaining double standards in EU reactions to violations of democratic principles in Sub-Saharan Africa. *Afrika Focus*. Vol. 25. № 2. P. 109–120. URL: http://www.gap.ugent.be/africafocus/pdf/2012Vol25_2_AF_DelBiondo.pdf
- Fligstein N. (2001). Organizations: Theoretical debates and the scope of organizational theory. 42 p. URL: <http://sociology.berkeley.edu/sites/default/files/faculty/fligstein/inter.handbook.paper.pdf>
- Garelli S. (2012). The European Union's Promotion of Regional Economic Integration in Southeast Asia: Norms, Markets or Both? *Bruges Political Research Papers / Cahiers de recherche politique de Bruges*. № 25. 37 p.
- Rosenau J., Czempiel E.-O. (eds) (1992). *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press, 1992. 311 p.
- Grauls S., Stahl A. (2010). European development policy towards sub-Saharan Africa: Challenges of the growing Chinese presence. *Émulations*. № 7. URL:<http://www.revue-emulations.net/archives/n7/grauls>
- Hill C., Smith M. (2011). *International Relations and the European Union*. Oxford: Oxford University Press. 2nd edition. 557 p.
- Hyde-Price A. (2006). 'Normative' power Europe: a realist critique. *Journal of European Public Policy*. Vol. 13. № 2. P.217–234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13501760500451634>
- Jupille J., Caporaso, J.A., Checkel J.T. Integrating institutions: Rationalism, constructivism, and the study of the European Union. *Comparative Political Studies*. Vol. 36. №1–2. P. 7–40.
- Kerwer D. (2013). International organizations as meta-organizations: The case of the European Union. *Journal of International Organizations Studies*. №4. P. 40–53. URL:http://journal-iostudies.org/sites/journal-iostudies.org/files/JIOS2013-special-issue_Kerwer.pdf
- Kreppel A. (2012). The normalization of the European Union. *Journal of European Public Policy*. Vol. 19. №5. P. 635–645. URL:http://eacea.ec.europa.eu/LLp/events/2013/documents/jm_cluster/the_normalization_of_the_eu_amie_kreppel-s_article.pdf
- Krohn F. (2009). What Kind of Power? The EU as an International Actor. *Atlantic-Community.org*. October 9. URL:<http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/Fabian%20Krohn.pdf>
- Manners I. (2015). Sociology of Knowledge and Production of Normative Power in the European Union's External Actions. *Journal of European Integration*. Vol. 37. № 2. P. 299–318. DOI: 10.1080/07036337.2014.990141
- Manners I. (2013). Assessing the Decennial, Reassessing the Global: Understanding European Union Normative Power in Global Politics. *Cooperation and Conflict / Special Issue on Normative Power Europe*, ed. by K.Nicolaidis and R.Whitman. Vol.48.№2.P.304–329.DOI:10.1177/0010836713485389 URL: http://curis.ku.dk/ws/files/130802025/lan_Manners_Assessing_the_decennial_reassessing_the_global_understanding_eu_normative_power_in_global_politics_C_C_2013.pdf
- Manners I. (2002). Normative Power Europe: a Contradiction in Terms. *JSMC*. Volume 40. №2. P. 235–58. URL: http://polsci.colorado.edu/sites/default/files/5B_Manners.pdf
- March J.G., Olsen J.P. (1984). The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *The American Political Science Review*. Vol. 78. № 3. P. 734–749.
- Mil'ner B. (1999). *Teoriya organizacii. Uchebnik* [Theory of Organization. Coursebook]. Izdanie vtoroe, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: INFRA-M. 477 p.
- Murdoch Z. (2015). Organization Theory and the Study of European Union Institutions: Lessons and Opportunities. *Organization Studies*. Vol. 36. №12. P. 1675 – 1692. DOI : 10.1177/0170840615585342. URL:<http://oss.sagepub.com/content/36/12/1675.full.pdf+html>
- Newman A.L., Posner E. (2015). Putting the EU in its place: policy strategies and the global regulatory context. *Journal of European Public Policy*. Vol. 22. № 9. P. 1316–1335. DOI:<http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2015.1046901>
- North D. (1993). Institutions and Credible Commitment. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 149.№ 1. P. 11–23.
- Pavlova E., Romanova T. (2014). Idejnoesopernichestvoili «trash-diskurs»? [Idea-driven competition or a trash-discourse?]. *Rossiya v global'nojpolitike*. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ideinoe-sopernichestvo-ili-trash-diskurs-16767>
- Pisany-Ferry J. (2009). The Accidental Player: The European Union and the Global Economy. *The European Union and International Organizations*. ed. by K. E. Jorgensen. London: Routledge. P. 21–36.

- Prohorenko I. (2015). Global'nayarol' Evrosoyuza: chto ikakob"yasnyaet organizacionnaya teoriya [Global role of the European Union: what and how does the organization theory explain?]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Seriya: Politologiya. № 2. P. 5–17.
- Romanova T. (2011). Evrosoyuz kak normativnaya sila i problemy ee vospriyatiya v Rossii kak bar'er naputi politiko-pravovogo sblizheniya [The European Union as a normative power and the problems of its perception in Russia as a barrier on the way to the political and legal alignment]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 6. № 1. P. 52–66.
- Savorskaya E. (2015). Evropejskij soyzuz kak uchastnik mezhdunarodnogo klimaticeskogo rezhima: organizacionnyj analiz [The European Union as a participant of the international climate regime: the organizational analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 25. *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. № 2. P. 96–125.
- Smith K.E. (2013). Can the European Union be a Pole in a Multipolar World? *The International Spectator*. Vol. 48. № 2. P. 114–126. DOI: 10.1080/03932729.2013.788378
- Smith K.E. (2008). *European Union Foreign Policy in a Changing World*. Cambridge: Polity Press, 2nd edition. 331 p.
- Smith M. (2013). Beyond the Comfort Zone: Internal Crisis and External Challenge in the European Union's Response to Rising Powers. *International Affairs*. Vol. 89. № 3. P. 653–671. DOI: 10.1111/1468-2346.12038
- Strezhneva M. (2014). Territorial'nyj i funkcional'nyj tipy organizacii politicheskikh prostranstv (v razvitie integracionnoj teorii) [Territorial and functional types of organizing political spaces: in elaboration of integration theory]. *Politicheskaya nauka*. № 2. P. 24–43.
- Strezhneva M. (2012). Vzaimodejstvie Evropejskogo soyuza s mezhdunarodnymi institutami [The European Union engagement with international institutions]. *God planety: ezhegodnik*. Vypusk 2012.: ekonomika, politika, bezopasnost. M.: Ideya-Press. P. 254–266.
- (2014) The EU and Multilateralism: Nine Recommendations. *EU-GRASP Policy Brief*. 4 p. URL: http://mercury.uni-koeln.de/fileadmin/user_upload/Policy_Brief_EU_and_Multilateralism.pdf
- Van Langenhove L. (2010.) The Transformation of Multilateralism, Mode 1.0 to Mode 2.0. *Global Policy*. Vol. 1. № 3. P. 263–270. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00042.x URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1758-5899.2010.00042.x/epdf>
- Wille A. (2013). *The Normalization of the European Commission: Politics and Bureaucracy in the EU Executive*. Oxford: Oxford University Press. 256p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199665693.001.0001
- Wood S. (2009). The European Union: a Normative or Normal power? *European Foreign Affairs Review*. Vol. 14. № 1. P. 113–128.
- Wunderlich J.-U. (2012). The EU an Actor Sui Generis? A Comparison of EU and ASEAN Actorness. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 50. № 4. P. 653–669. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02237.x
- Youngs R. (2004). Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 42. № 2. P. 415–435.